

Наконец, заявленная идея перехода, парадигмального поворота от первой половины ко второй половине XX столетия, которым отмечено творчество Д. Андреева, не нашла, к сожалению, подробного аргументированного объяснения.

Названные замечания не снижают концептуальной ценности книги, ее несомненной новизны, безусловной перспективности ее положений и выво-

дов. В исследовании судеб русской художественной культуры монография О.А. Дашевской займет достойное место, поскольку посвящена творчеству писателя, не только продолжающего, углубляющего традицию русской культуры, но и прозревающего ее возможные пути.

Поступила в редакцию 19.12.2006

Т.Л. Воробьева

**НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОЗЫ Е. ЗАМЯТИНА
(ХАТЯМОВА М.А. ТВОРЧЕСТВО Е.И. ЗАМЯТИНА
В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА:
СОЗДАНИЕ АВТОРСКОГО МИФА. ТОМСК, 2006. 183 С.)**

Томский государственный университет

Современное замятиноведение представляет собой интенсивно развивающуюся отрасль отечественной науки о литературе и западной славистики. Усилиями российских и зарубежных ученых достигнуты серьезные результаты в постижении этой уникальной фигуры русской литературы первой трети прошлого столетия. Появление новой работы неизбежно рождает внутреннее вопрошание: найден ли свой ракурс исследования, произошло ли приращение смысла по сравнению с имеющимися интерпретациями? Думается, что монография М.А. Хатямовой позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. Рецензируемое исследование – закономерный итог многолетних научных поисков; выходу монографии предшествовали доклады на научных конференциях всероссийского и международного статуса; статьи, постоянный диалог с коллегами. Обилие ссылок на предшественников делает безупречной научно-этическую позицию автора и высвечивает новизну его собственных построений.

М.А. Хатямова начинает с того же посыла, что и многие писавшие о Замятине: с проблематизации типа творчества, доминанты эстетического сознания художника. Общим местом замятиноведения стал тезис о «неореализме», поскольку сам Замятин оставил немало суждений на этот счет. Как известно, он блестяще проявил себя и на поприще литературного критика, публициста, педагога; в своих статьях и лекциях писатель «проверял» важные для него эстетические формулы. Автор монографии как бы заново «перепрочитывает» весь корпус критико-публицистических текстов, чтобы уточнить для себя суть эстетических рефлексий писателя. В первой главе разворачивается «сюжет»

замятинских отношений с акмеизмом. Обилие цитат может показаться избыточным, однако мы видим в этом настойчивую интенцию автора – собрать «доказательную базу» на основании разбросанных по разным источникам высказываний о том, как он понимает искусство, современную ситуацию в литературе и место художника в ней. М.А. Хатямова усматривает принципиальное сходство замятинских эстетических деклараций с акмеистской парадигмой творчества, которая рождается из пафоса созидательного культурного оформления действительности. В собственно эстетическом плане для Замятина актуализируется акмеистская теория слова, взаимоотношение автора и читателя как культурный диалог. Из этого оформляется концепция диалогического языка, понимаемого многомерно: это и столкновение разных культурных языков в языке автора, и повышение статуса воспринимающего сознания, сотворчество автора и читателя, наконец, это еще один тип диалога – между внешним и внутренним («мысленным») языком. Попутно отметим, что автор монографии фиксирует объективную сопряженность замятинской идеи диалогического языка, с одной стороны, с языковой картиной А. Ремизова, с другой – с бахтинским «чужим словом»; замятиноведческая сосредоточенность размыкается в перспективу историко-литературного и теоретического пространства русской словесности.

В коммуникативной модели «автор – читатель» для Замятина усложняется структура повествовательной инстанции (повествователь, рассказчик, персонаж), которая должна взять на себя миссию упорядочения, интегрирования распадающегося мира. В последних разделах первой главы М.А. Ха-

тямова закрепляет свой исходный тезис о замятинском неореализме как модернистском типе творчества в его акмеистском варианте, когда парадоксально, но органично для Замятина не противоречат друг другу модернистский приоритет авторского сознания над реальностью (как ее понимал классический реализм) и постулат онтологической значимости бытия. Смысл искусства, по Замятину, – «открыть бытие в быте, философию – в жизни, трансцендентное – в земном» (с. 33). Акмеистский «закон тождества», по утверждению автора монографии, проясняет замятинское понимание «синтетизма» – как адекватного способа воплощения изо- и антропоморфного мироустройства. Из разговора о законах поэтики возникает прямой выход к структуре личности творца, осознающего свою ответственность перед современной ему историей и культурой; М.А. Хатямова еще раз, без назойливой назидательности, демонстрирует короткое расстояние от собственно эстетических до мировоззренческих составляющих сознания художника.

Пять аналитических глав содержат проверку замятинских деклараций в сфере его художественной практики. В монографии прослеживается хронология и логика творческой судьбы Е. Замятина сквозь призму повествовательных стратегий на каждом из ее этапов. Первая глава посвящена ранней прозе – повестям и сказкам 1910-х гг. – и содержит наблюдения над сказовым арсеналом замятинского письма. Ранняя проза, особенно, конечно, ее вершины – повести «Уездное», «На куличках», «Алатырь» – не обделены научным вниманием, в том числе и в аспекте повествования. М.А. Хатямова, отдавая должное имеющимся трактовкам, предлагает свою версию многослойности сказового слова, уточняя его как «орнаментальный» или «стилизованный» сказ. Он вбирает в себя и устное слово демократического рассказчика, но не сводим к нему; форма его презентации – смена авторских масок. Уже нарративные маски «Уездного» (провинциальный рассказчик, фольклорный сказитель, книжный повествователь) с подвижностью их границ оформляют авторский миф о мире как постоянных притяжениях-отталкиваниях коллективного и индивидуального, утопии и ее опровержений. Игра масками, как показывает автор монографии, продуцирует мифологические сюжеты и подготавливает ситуацию, когда функциональность наррации оборачивается ее самоценностью: «Стилизация сказа совмещает миф о мире с мифом о творчестве» (с. 85). Единственной реальностью оказывается творческое сознание, исполненное противоречий, но оно же только и способно «собрать» в себе распадающийся космос. К такому обобщению приводит ав-

тора анализ повествовательной структуры не только повестей, но и сказок.

Во второй главе речь идет о стилизации в прозе 1910–20-х гг. По объему этот корпус текстов невелик, но достоин отдельного разговора. Во-первых, рассказы и так называемые «Чудеса» есть отражение мощной тенденции освоения поэтики стилизации в модернистской и реалистической прозе, что можно объяснить потребностью воссоздания национального бытия через активный диалог с прошлыми культурами. Во-вторых, в логике такого диалога у Замятина автор монографии, прослеживая движение от классического «характерного» сказа к поглощению его фольклорной стилизацией, фиксирует ситуацию рождения «текста культуры», поиски в области метапрозы как признака модернистского текста, в котором миф о национальном мире совмещается с мифом о структуре авторского сознания. Своеобразной кульминации подобное совмещение достигает в «Чудесах», где идея творчества понимается как «божественное» рождение органического целого.

Приступая к исследованию ключевого в прозе Замятина произведения – романа «Мы» – автор монографии исходит из признания уже имеющегося широкого диапазона его истолкований, в том числе и в аспекте нарративной структуры. Собственную задачу М.А. Хатямова видит в том, чтобы обосновать концепцию метароманной природы произведения. «Сюжет письма» прочитывается не только как «сюжет» эволюции сознания героя. В дневнике Д-503 обнаруживаются две главные дискурсивные практики русской литературы послереволюционного времени – зарождающегося социалистического реализма и авангарда. Замятинская логика выстраивания «конспектов» героя в соответствии с господствующими эстетическими канонами, как полагает автор монографии, обнажает статус искусства как высшей реальности и проблематизирует позицию автора в сфере эстетических императивов. Убедительно, на наш взгляд, прочерчен в монографии романский полемический диалог Замятина равно с дискурсивной стратегией официального искусства и с авангардом, «заряженным» разрушительной энергией субъекта. В финале главы автор вновь напоминает о принципиальном значении для Замятина акмеистской парадигмы творчества, потому что и в романе «Мы» слово оказывается причастным органической жизни, а форма дневника выглядит одним из вариантов диалогического слова. «Слово, обращенное к Другому, несущее в себе... семантику природно-культурной целостности и направленное на сохранение культурной памяти» (с. 134), является постоянной величиной авторского сознания – такой вывод достойно завершает четвертую главу.

В пятой главе вектор авторского внимания направлен на «персональное» повествование как инструмент воплощения внутренней жизни личности, поисков его опор индивидуального существования. Материалом для аналитических построений являются две новеллы конца 1920-х гг. – «Ёла» и «Наводнение», образующие своеобразную дилогию: в обеих частях очевидно присутствие психоаналитического кода, что маркирует дистанцирование от воссоздания национального мира и переключение на экзистенцию человека как такового. Персональное повествование и становится механизмом поэтического освоения новых авторских интенций. Уточняется психоаналитический сюжет «Ёлы»: это динамика страсти и гибель человека под властью бессознательного. В «Наводнении» выявляется иное разрешение конфликта бессознательного и нравственно-личностного. Автор монографии корректно и доказательно полемизирует с В. Шмидом, полагающим, что в рассказе доминирует идея торжества телесного в человеке. М.А. Хатямова, уточняя объем и содержание «интегрального» психоаналитического символа воды (наводнения), видит в нем не только архаическую, мифическую, но и христианскую семантику: в органике жизни, в чуде материнства содержатся потенции духовного покаяния. Наблюдения над последовательно выдержанным в кругозоре главной героини повествованием (воссоздающим «монтажные стыки» между сознанием и подсознанием) убеждают автора монографии в научной правоте.

В последней главе М.А. Хатямова закономерно приходит к необходимости изучения нарративных законов незавершенного романа «Бич Божий» – произведения, обойденного пока серьезным вниманием исследователей. Роман интересен как завершающий (в координатах земной судьбы художника) фрагмент историософии Замятина. Автор монографии отстаивает мысль о том, что Замятин «творит свой миф о цикличности истории» (с. 152), вырастающий в том числе из диалога со шпенглеровской концепцией культуры. Главной формой

воплощения авторского сознания становится мифологический повествователь. Это и суверенная повествовательная инстанция, но она и взаимодействует с иными субъектами сознания и речи. Интересно и виртуозно прослеживается в главе перевод повествовательных «регистров» – от сознания юного варвара Атиллы к сознанию историка Прииска, создающего свой текст об истории. Принципиально важно, что этому творящемуся тексту суждено стать не научным трудом, а текстом-мифом о мире. «Роман» героя завершает роман автора (как это было в романе «Мы») и окончательно убеждает в метатекстовой доминанте поэтики замятинской прозы, которая концептуализируется в монографии как средоточие основополагающего внутреннего императива писателя: разрушительному действию природы и/или истории человек (художник) может сопротивляться только созидательной работой по созданию своего текста о природно-историческом бытии.

Заключение монографии содержит обобщающие суждения М.А. Хатямовой о художественной системе Е. Замятина в аспекте возникновения и эволюции метахудожественного повествования. Метатекстовые структуры явились модернистским способом выражения авторского сознания, близко к акмеистской эстетике.

Автор монографии, насколько можно судить по заключению, видит и перспективу дальнейшей работы – включение эстетических поисков Замятина в широкий контекст литературы и философии русского зарубежья. Но, как мы полагаем, в работе М.А. Хатямовой в «свернутом» виде содержатся возможности расширения объема монографии. Можно было бы выделить в самостоятельный раздел анализ «английских» повестей; кроме того, интересным мог бы оказаться разговор о неоконченных ранних рассказах – в том же аспекте повествовательных моделей. Но и то, что сделано, свидетельствует о достойном научном уровне исследования.

Поступила в редакцию 20.12.2006